

ПОГРУЖЕНИЕ В СКАЗКУ

Обнаружение секрета Мелюзины. Гиллебер де Мец

Когда человек соприкасается со сказкой? Конечно, в детстве, когда так сильна вера в чудо. И потом, когда уже сам рассказывает или читает хорошо знакомые сюжеты внукам. Порой кажется, что обычная жизнь не имеет никакого отношения к тому, что обрамлено сказочными формулами — всякими «давным-давно» или «жили-были».

Центральным в лекции Инны Веселовой «Миф о чудесной супруге», состоявшейся в БДТ в рамках программы «Эпоха просвещения», была сказка о Царевне-лягушке. Ее сюжет не типичен: он не кончается свадьбой героев, а начинается с нее. Другой важной особенностью этой сказки является ее биполярность: главным действующим лицом в ней становится то Иван-царевич, то его необычная супруга. Ее красота нередко видна только мужу, да и то уже после свадьбы, другим же она предстает в не-приглядном виде (лягушкой, а в других вариантах сказок — крысой или старушкой-«еле кости вместе», «вся мхом поросла»). Она наделяется чудесными талантами, ей ведомы особые секреты, однако удержать ее подле себя можно лишь при соблюдении некоего условия.

Публика — отнюдь не детская аудитория — погружается в сказочный мир, где и для мужчин, и для женщин есть персонажи, с которыми можно себя идентифицировать. Близким является западноевропейский сюжет о фее Мелюзине, обладавшей даром строить прекрасные замки. Но поддался ее супруг на уговоры-насмешки друзей, подглядел за женой, узнал о ее драконьей натуре.

Нарушение уговора ведет к разлучению: с громким криком улетает Мелюзина, пропадает лишив-

шаяся своей лягушечьей кожи Марья-царевна. «Грянулась она о землю, обернулась утицей...» — лектор приводит параллели, звучащие в свадебном фольклоре, в песнях-причитаниях.

Анализируя сюжеты о чудесных супругах, Веселова показывает, как в сказке отражается восприятие свадьбы как обряда перехода разными группами ее участников. Переживания невесты достаточно хорошо исследованы фольклористами и этнографами, а вот взгляд на нее со стороны жениха и его родни практически не изучен. Невеста — «невесть, кто», в традиции появляющаяся на людях под платками-покрывалами, плачущая, принадлежащая к «чужим». Что может испытывать молодой человек, которому предстоит сродниться с буквально непонятно кем? В некоторых вариантах сказок Иван-царевич пытается уйти от суженой, понимая, что станет предметом насмешек. Однако раз за разом он оказывается в месте, куда завела его стрела-судьба. Возвращение пропавшей супруги сопряжено с нелегкими испытаниями, венцом которых становится необходимость принять, «удержать» жену в объятиях, кем бы она не обличалась.

По-разному рассказывают сказку женщины и мужчины, по-разному воспринимали ее пришедшие на лекцию. «Как же Иван-то царевич ее принял?» — размышлял один из слушателей. «Я и свою свадьбу вспомнила, и дочерину...», — с оживленно говорила покидавшая зал дама. Известный с детства сюжет обращается к разным возрастам, и буквально с каждым он говорит о его собственной судьбе. Казавшееся ненастоящим, предстает самой что ни есть былью.

Евгения ХАЗДАН

О ЖЁНАХ «ДОБРЫХ» и «ЗЛЫХ»

В БДТ продолжается программа лекций «Эпоха просвещения»: о литературе, живописи, архитектуре, антропологии, музыке и народных традициях.

Первая январская лекция пришлась на святки — время гаданий, разговоров о страшном и потустороннем. Тема ««Злые» и «добрые жены»: женские образы западноевропейской живописи XV–XVI вв.» вполне вписывалась в святочную атмосферу, когда ряженые предстают в страшных и прекрасных образах, являя человеку все стороны его Тени. Речь в лекции искусствоведа Ланы Ивановой шла о представлениях о «доброте» и «коварстве» женщин в западноевропейской живописи эпохи Возрождения. Истоком оппозиции «добрых» и «злых» жен была каноническая религиозная иконография, в которой праведники и праведницы противопоставлялись грешникам и грешницам перед лицом Бога. Суд над ними вершился без поправки на гендерное различие.

Во времена Возрождения в европейской живописи становятся популярными сюжеты, в которых мужские и женские добродетели и пороки начинают судить иными мерками. Оценка теперь принадлежит не Богу, а человеку — художнику и... мужчине. Донателло, Гуго ван дер Гус, Лукас Кранах, Квентин Массейс, Ганс Гольбейн, Караваджо, Тициан, Джорджоне, Пьеро делла Франческа... Чинные парные портреты: у мужа и жены свои занятия. Ему — считать прибыль, ей — смотреть в молитвенник. ему — книги, ей — прялка. Удел благочестивых жен — быт, молитва, покаяние. Благочестие жены было предметом не только восхищения, но и насмешки. На гравюре XVII в. аллегория «доброй жены». Нарядная дама препоясана змеей, символом мудрости. На ее ротике висит крепкий замок: она не болтлива. Из уха торчит громадный ключ: ее слух замкнут. На груди — символ кротости — голубка...

Популярными были изображения героинь Ветхого Завета: Юдифь, Далила, Саломея. Количество их во-

Юдифь. Винченцо Катена

площений в картинах гениев Возрождения поражает воображение. Иконография сюжетов различна. Юдифь изображается с отрубленной головой Олоферна (брэзливо держит ее в тонких пальцах; опускает как покупку в корзину служанки; нежно попирает ножкой), а Саломея гордо несет голову Крестителя на блюде. Но выражения лиц — расслабленное, нежное или сосредоточенно-деловитое, не имеют ничего общего с геройством. Они — олицетворение женской власти и угрозы. Мужская кровь алеет как знак Жертвы — любви, страсти, подчинения. В искусстве Нового времени «доброта» и «злодейство» героини оцениваются иначе, нежели в канонах Средневековья, — по шкале противостояния между мужским и женским, борьбы и страха перед друг другом, а не общего предстояния перед Творцом.

Противостояние это не теряет накала и в искусстве XX века. Череду живописных воплощений «борьбы» Мужчины и Женщины лектор закончила полотном «Разговор» Анри Матисса, в котором профильный поворот героев, разделенных проемом окна, не дает надежды на их понимание друг друга. Взаимный обмен упреками лишь обостряет ощущение утраченного за решеткой окна райского сада.

**Инна ВЕСЕЛОВА,
Евгения ХАЗДАН**